

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И ПРИРОДА ПОНЯТИЯ¹

Круги Эйлера и диаграммы Венна широко используются в качестве визуальных средств формализации отношений между классами, а также как средства визуализации, с помощью которых рассказывают об отношениях между понятиями, но не буквально, а метафорически. Этими средствами можно успешно пользоваться, если осознавать границы их применения и специфику моделируемых отношений, то есть если использование методов визуализации сопровождается их рациональной критикой. Применение визуальных топологических средств особенно соблазнительно, учитывая неутолимую тягу обучаемых к экономии умственных сил и в связи с этим к стремлению передать часть работы восприятию и представлению, то есть попытаться представить все наглядно. При этом всем понятно, что стремление к наглядности означает попытку перенести проблему из абстрактного мышления в область чувственного познания, где этой проблемы нет. Мы просто отказываемся от абстрактного мышления, то есть ищем предмет не там, где его потеряли, а там, где светлее. Но другое дело, если мы в светлом месте составляем план поиска.

I

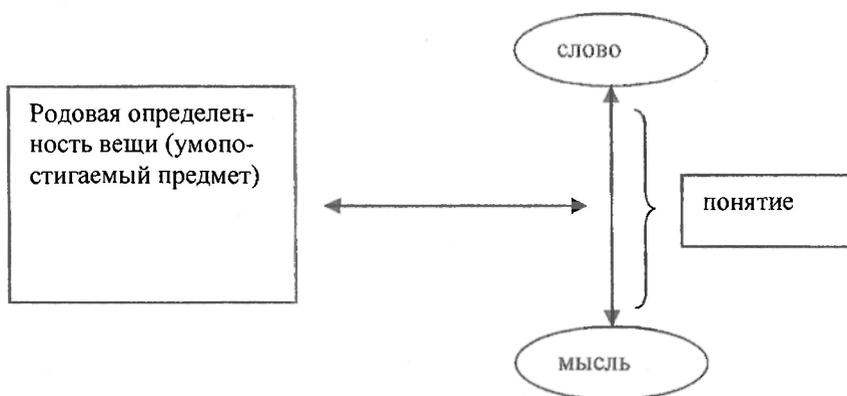
Важно с самого начала выяснить, о чем идет речь, то есть прежде всего необходимо ответить на вопрос: что такое понятие?²

Понятие формируется в результате общения человека с человеком в попытке объяснить мир. Мысль рождается в ответ на необходимость сказать. Знание природы рождается через беседу о природе. Мысль о предмете формируется, то есть обретает форму, рождается через слово и в слове. Понятие не *выражается* в слове. Понятие есть форма мысли, которая *рождается* в слове и за пределами слова не существует. Мысль и слово образуют понятие, так же как две стороны медали образуют медаль. В своем единстве слово и мысль рождают понятие. Слово, лишенная мысли, превращается в членораздельный звук; мысль, лишенная слова, исчезает в своей определенности, превращается в интуицию, экспликация которой требует слова. Наше витальное стремление совместно с другими понять мир наделяет мир смыслом, который мы в системе понятий, в языке храним, непрерывно воспроизводя его коллективным усилием объяснить и понять другого, то есть воспроизводя сам разум.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 01-03-00105.

² См. об этом также: Мизунов А.И. О риторическом контексте проблемы истины // Логико-философские штудии. СПб., 2001.

Семантическая схема, представляющая понятие, выглядит следующим образом.

Понятие не указывает на вещь или класс вещей, не обозначает их. Мы можем с помощью той же лексической единицы, через которую мы формируем некоторое понятие, указать на класс предметов, но тем самым эта лексическая единица становится именем предметов данного класса. Но понятие, которое формируется с помощью слова, указывает на то в каждом из предметов этого класса, что мы фиксируем в них с помощью разума, обнаруживая это через слово. Я формирую понятие, когда обнаруживаю разумом суть вещей, то есть понимаю их. А чтобы иметь дело с классом, мне достаточно обнаружить у них чувственно постигаемую общность, то есть зафиксировать классообразующий признак.

Логика имеет дело не с реальными вещами. Она не исследует их устройство. Элементарной единицей логического знания является понятие. В системе понятий фиксируется знание о мире, о реальных вещах, но в понятии не фиксируется количество неразличимых с помощью этого понятия предметов. В мире мы можем восхититься многообразием и числом стульев. Абстракцией числа стульев является множество или класс стульев. Но сколько бы мы ни перебирали стульев из имеющегося класса стульев, это всегда будет стул, то есть всякий раз иной элемент класса, но один и тот же умопостигаемый предмет, который обнаруживается разумом и фиксируется в понятии. Для математика этот класс предстает как счетное множество, поскольку элементами класса являются абстрактные единицы, обладающие общим признаком, на основании которого они объединяются в класс. В понятии мыслится само это качество, поэтому для логика этого класса нет, а есть один умопостигаемый предмет, выражаемый в мысли, которая рождается в сознании, благодаря тому, что в нашем языке обнаруживается место для слова «стул». Но этот

умопостигаемый предмет обладает разнообразием, которое фиксируется в объеме понятия, с помощью других умопостигаемых предметов, которые обнаруживаются в том самом, в первом умопостигаемом объекте как система видовых понятий. Опять же не как количество видов, а как их различие, мы выясняем не сколько видов, а какие они, в чем их специфическая определенность.

Логическая операция деления понятий, то есть анализ его объема, дает нам элементы, из которых складывается объем понятия – видовые понятия. Анализируя же класс стульев, мы имеем дело со стульями и подклассами стульев. Выражение «объем» провоцирует своими смыслами, которые оно имеет в математических контекстах и в контекстах разговоров о чувственно воспринимаемом мире, на толкование объема понятия как количественной характеристики понятия. Но понятие не имеет количественной характеристики, которую можно было бы представить как некое счетное множество элементов, входящих в его объем. Мы можем сравнивать по объему только такие понятия, которые находятся в родо-видовых отношениях, то есть понятия, объем одного из которых объемлет объем другого. Анализ объема понятия демонстрирует не его количественную в этом смысле характеристику, а, представляя возможные системы видовых понятий по отношению к данному, определяет место данного понятия в понятийной системе языка. Это место и задает определенность понятию, его содержанию, то есть тому, что говорит это понятие о мире.

Содержание понятий хранится в языке. Понятие «кентавр» обладает и содержанием, и объемом. Независимо от того, есть кентавры в этом мире или нет, о них можно рассказать, их содержание можно анализировать, их объем не пуст, поскольку возможны видовые понятия. Это значит, что они есть в языке, в котором воспроизводится возможный мир, населенный в том числе и кентаврами. Понятие не на класс вещей и не на вещи указывает, не о них свидетельствует. Понятие фиксирует, вступая в отношения с другими понятиями, смысл, который хранится в языке и который мы либо обнаруживаем в мире, либо нет, когда делаем мир предметом нашей мысли, то есть размышляем о нем, а не указываем па него пальцем или именем. Мы познаем мир, по существу, размышляя о нем, мыслью постигаем его, исследуя его и формируя его смыслы в своем разуме, которые таким образом обретают свое место в языке. Понятие «стол» указывает не на стол и не на класс столов, а на то в каждом из этих предметов, почему мы их называем столами. Увидеть это и указать на это пальцем нельзя. Показать пальцем можно только на чувственнопостигаемый предмет. Умопостигаемые предметы сосчитать нельзя. Но мыслью постичь можно. В этом смысле с точки зрения логики нет принципиальной разницы между понятиями «стол» и «кентавр». То и другое понятия фиксируют умопостигаемые предметы. Вопрос о том,

существуют ли в реальном мире стол или кентавр, выводит нас за пределы логики. Благодаря тому, что мы владеем этими понятиями, референты того и другого мы можем, встретив в мире, узнать по существу. Кентавров мы пока еще не встречали. Знаток говорят, что их не существует на этом свете. Допустим так, но если мы их встретим, то узнаем. А может, мы уже встречали существ, в которых странным образом соединились сущность человека и лошади? Но чувству это не обнаружилось, а мы привыкли доверять прежде всего чувству.

Ю.С. Степанов, говоря о специфике литературного дискурса, замечает: «Литературный дискурс может быть семиотически определен как дискурс, в котором предложения-высказывания и вообще выражения интенционально истинны, но не обязательно экстенционально истинны (экстенционально неопределенны). Это дискурс, интенционалы которого не обязательно имеют экстенционалы в актуальном мире и который, следовательно, описывает один из возможных миров»³. Здесь экстенционально ложными являются высказывания, содержание которых не соответствует реальному положению дел в мире. Но соответствует ли действительному положению дел в мире высказывание «Еву Бог сотворил из Адамова ребра»? Это зависит от того, о каком из возможных миров идет речь. Я могу сказать, что это суждение истинно, хотя и уверен, что в актуальном мире этого не происходило. Но и Евы с Адамом в этом мире нет. Они существуют в мире, где Ева создана из Адамова ребра. То, что Ю.С. Степанов рассматривает как особенность литературного дискурса, на мой взгляд, является характеристикой всякого рассуждения, развивающегося в естественном языке.

Это делает возможным познание мира. Ведь актуальный мир – это всего лишь один из возможных. И он открывается нам через язык, в котором он существует как один из возможных миров. То есть возможный мир, присутствующий в языке, открывает нам актуальный мир как обладающий для нас неким смыслом, поскольку он один из возможных. И мы только то можем увидеть в мире, что потенциально уже существует в нашей системе понятий как один из возможных миров. Поэтому нам не может быть безразлично, на каком языке говорить о мире. От этого зависит то, с каким миром мы как разумные существа имеем дело. Мы как страдающие, то есть наделенные способностью к чувственному восприятию, существа имеем дело с одним и тем же миром независимо от состояния нашего разума. Но как разумные существа мы имеем дело с тем миром, который открывается нам через язык.

³ Юрий Степанов. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 22.

Конечно, с креслом, на которое я указываю пальцем, говоря: «удобное кресло» или «мое любимое место», ничего не происходит. Но дело в том, что, говоря об удобном кресле и говоря о своем любимом месте, я говорю о разных уопостигаемых предметах. При этом всем понятно, что в том и в другом случае объектом речи является вот эта, одна и та же вещь, но не о ней непосредственно идет речь, а об ее различных смыслах и лишь постольку о ней. Неадекватно выражая в языке эти смыслы, я ошибочно могу полагать, что говорю об этой вещи, хотя то, что я говорю о ней, к ней не относится и, следовательно, не о ней речь. Хотя я об этом могу и не подозревать.

Во «Второй аналитике» Аристотель, говоря о различии между определением и доказательством, призывает различать разговор о вещах, что они есть, и разговор о сути вещей, и когда речь идет о возможности переноса доказанного относительно целого на часть, то это возможно только в том случае, когда целое и часть находятся в отношении рода и вида: «Далее, суть [вещи] и то, что она есть, не одно и то же. Итак, определение выражает суть [вещи], доказательство же – что это об этом сказывается или нет. Но доказательство разного – разное, разве только когда [одно доказательство относится к другому] как часть к целому. Я это говорю потому, что если доказано, что [совокупность] углов всякого треугольника равна двум прямым, то тем самым то же доказано и относительно равнобедренного треугольника, ибо последний есть часть, а первый – целое. Но “что [вещь] есть” и “суть [вещи]” не находятся друг к другу в таком отношении, ибо первое не есть часть второго»⁴. Ножка стола является частью стола, но понятие «ножка стола» не является видовым по отношению к понятию «стол». Поэтому то, что доказано относительно стола, доказано и относительно письменного стола, но не доказано относительно ножки стола. То есть то, что доказано относительно уопостигаемого предмета, доказано и относительно его части. То, что доказано относительно чувственно постигаемой вещи, не доказано относительно его части.

2

Отношения между понятиями и отношения между классами порой настолько сближаются, что в ряде текстов, посвященных вроде бы анализу понятий, то и другое становятся неразличаемыми, по существу, элементами разговора на одну тему. Причины такого положения дел могут называться разные. Одна связана с историческими условиями, в которых формировалось современное логическое знание. Попытки визуализации отношений между понятиями предпринимали многие логики, но в более или менее развитой форме это появилось у Ламберта, ко-

⁴ Аристотель. Сочинения. Т. 2. М., 1978. С. 318–319.

торый использовал для этой цели отрезки, и затем уже в известной ныне форме кругов у Эйлера и Венна. По понятным причинам эти методы получили популярность в логике прежде всего как иллюстративное средство, дидактический прием. Но формировались они в то время, когда основное внимание логики постепенно все более сосредоточивалось на исследовании оснований математики, а ее предмет и методы все более превращали ее в раздел математики и дело математиков. Диаграммы Венна применялись прежде всего как средство формализации и визуализации математических действий в теории групп, в булевой алгебре для визуализации операций с классами, множествами и т.п. Целый ряд разделов математики (логика классов, теория множеств, теория решеток, теория групп и т.п.) имеют дело со строгим описанием отношений части и целого, которое предполагает, в частности, такие отношения между классами, как объединение и пересечение. Затем в силу известных причин произошло некоторое разочарование математиков относительно перспектив использования логических методов в математике. В это же время происходит гуманистический поворот в логике. Логика стала «перезаждать» с математических факультетов университетов на философские. Необходима была критика методов, развитых в логике в период ее нахождения на службе у математики и, безусловно, существенно обогативших ее инструментарий, с тем чтобы выяснить, не искажают ли эти методы ее собственный предмет.

Метод круговых схем, конечно же, не играет важной роли в современной логике, но широко распространен в преподавании логики и потому нуждается в очистке от его толкования, естественного в математике, но искажающего предмет логики. Хотя такой прием дает ясное визуальное моделирование отношений между классами, некритично перенесенный в логику и примененный к анализу отношений между понятиями, он искажает реальную картину, поскольку в основе этого метода оказывается отождествление класса и понятия.

В логике они становятся метафорами, буквальное толкование которых ведет к подмене предмета. Некритичное перенесение этих отношений в логику под видом отношений между понятиями существенно опшляет логическую теорию понятия. Следствием этого стало то, что толкование объема понятия как класса, как множества элементов, мыслимых в данном понятии, превратилось в легко представляемое и буквально *очевидное* дело. То есть объем понятия получил онтологическую трактовку, и всякие манипуляции с понятиями стали толковаться как манипуляции с классами и визуализироваться с помощью круговых схем. Оказалось, что процесс рассуждения можно толковать как наглядно представимую манипуляцию с классами, комбинаторику в чистом виде. В результате практически общим местом во всех учебниках логики стало утверждение возможности пересечения понятий, то есть час-

тичного совпадения их объемов, тождества понятий, у которых общий объем, но разное содержание и т.п.

Но если объем понятия толковать как совокупность других понятий, видовых по отношению к данному, то пересечение понятий становится невозможным. Поскольку элементами объема понятия являются виды, то при допущении возможности пересечения понятий необходимо допустить, что видовое понятие может иметь два рода, не подчиненные друг другу. Заметим, что для Аристотеля была само собой разумеющейся неправильность топа, основанного на этом предположении. Он неоднократно говорит это в *Топике*. В этом случае, по крайней мере, одно из них не является родовым. Так логик, занимающийся предпринимательством, является предпринимателем. В том смысле, что некто имярек, который является логиком, занимающимся предпринимательством, конечно, является предпринимателем. Но понятие «логик, занимающийся предпринимательством», не является видовым по отношению к понятию «предприниматель». Поскольку «занимающийся предпринимательством» будет привходящим признаком по отношению к понятию «логик», а образованное с его помощью видовое понятие не является видовым по отношению к понятию «предприниматель», поскольку все содержание рода должно входить в содержание видового понятия, но «ведь ни о чем, что не принадлежит к [данному] роду, не говорят, что оно в существе своем есть род. Например, бледный человек в существе своем не есть цвет. И точно так же в других случаях»⁵. Говоря о топах для опровержения проблем, касающихся привходящего, а именно когда род указывается как привходящее, Аристотель показывает, что если утверждается, что вид принадлежит двум родам, то один из них указан как привходящее, а, следовательно, не является родом. То есть привходящий признак может выступить как видообразующий признак, но образованное с его помощью понятие не будет видовым по отношению к понятию, от которого был образован видообразующий признак. Либо это связано с многозначностью слов, когда с помощью одной лексической единицы разумеют два разных понятия⁶.

«Ведь снег в существе своем не есть белое; поэтому белое не есть род для снега; и душа в существе своем не есть само собой движимое, а для нее привходяще то, что она движется, подобно тому как часто случается живому существу ходить и бывать идущим. Далее, движимое означает, по-видимому, не суть [вещи], а нечто действующее или претерпевающее. Точно так же и белое, *ибо оно показывает не то, что есть снег, а какой он есть* (курсив мой. – А.М.). Так что ничего из этого не сказывается в сути [вещи], род же сказывается в сути [вещи]»⁷.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ См.: Там же. С. 374.

⁷ Там же. С. 408.

Конечно, есть некий вполне достойный человек, который входит и в класс предпринимателей, и в класс логиков. Мы можем сформировать соответствующее понятие, например, «логик, занимающийся предпринимательством». Но это понятие является видовым по отношению к понятию «логик» с видообразующим признаком «занимающийся предпринимательством». Мы можем сформировать другое видовое понятие – «предприниматель, занимающийся логикой». Это будут два разных понятия, имеющих разные роды. Другими словами, у двух понятий, в отличие от классов, нет области пересечения, то есть нет умопостигаемого предмета, который одновременно мыслился бы в объемах двух понятий, ни одно из которых не было бы подчинено другому.

3

Все сказанное выше заставляет вносить коррективы и в некоторые другие разделы логики. Как быть в этом случае, например, с категорическими суждениями? В зависимости от толкования терминов суждения (как имен классов или как понятий) получаем различные интерпретации известных видов суждений.

3.1. Частные суждения

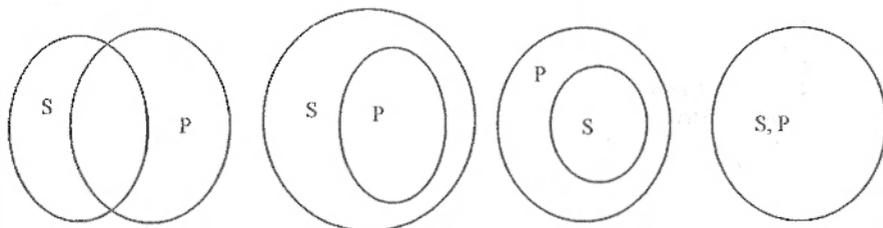
Квантор частного суждения мы будем традиционно толковать как «некоторые, а может быть, и все».

3.1.1. Частноутвердительные суждения

Некоторые S суть P.

Частноутвердительное суждение допускает следующие два прочтения:

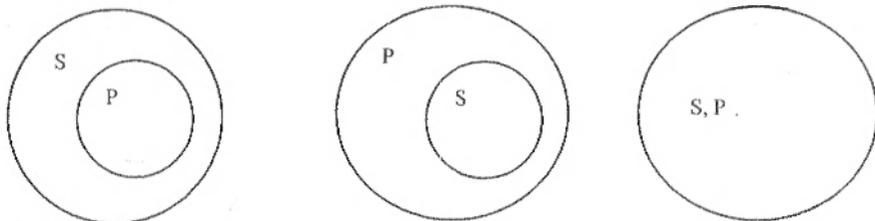
- Некоторые элементы, входящие в класс S, входят и в класс P, а возможно, и все, и при этом либо исчерпывают его, либо нет. Здесь возможны следующие отношения между классами:

В первом случае, то есть в случае пересечения S и P, формируется область пересечения, то есть некий класс предметов, обладающих как признаками S, так и признаками P. Во втором случае P является признаком, образующим подкласс P класса S, и, следовательно, является классообразующим признаком, выделяющим из класса S подкласс P. В третьем случае P является признаком, на основе которого происходит

обобщение предметов в класс, в который входят и предметы, именуемые S, или, иначе говоря, S является классообразующим признаком, выделяющим из класса P подкласс S. В четвертом S и P – два имени одного и того же класса предметов, и потому мы можем назвать их тождественными именами, их значения совпадают. Но это не значит, что соответствующие понятия также будут тождественными.

• По крайней мере, некоторые видовые понятия из объема понятия S обладают признаком P, являющимся в таком случае видообразующим, а возможно, и все. Здесь возможны следующие отношения между понятиями:

В первом случае понятие S является родовым по отношению к P, во втором и третьем случаях все видовые понятия из объема понятия S обладают признаком (признаками) P. Однако, если во втором случае понятие S, а следовательно, и все его виды являются видами по отношению к P, то в третьем случае S и P – тождественные понятия. Но что такое тождественные понятия? Принято говорить, что понятия тождественны, если их объемы полностью совпадают. Поскольку под объемом понятия понимается совокупность других понятий, видовых по отношению к данному, то тождество понятий означает, что все видовые понятия одного из них являются видовыми понятиями по отношению к другому и наоборот. Но в содержании видового понятия мыслятся все признаки родового, а это значит, что и содержания тождественных понятий полностью совпадают, то есть все признаки S являются признаками P и наоборот. Другими словами, дефиниция⁸ понятия S является одновременно дефиницией понятия P, и наоборот. Это означает, что в этом случае мы имеем дело с одним понятием, которое в языке формируется с помощью разных лексических единиц.

⁸ Важно различать определение как момент процесса познания, в ходе которого раскрывается содержание предмета, его признаки исследуются и в содержании понятия фиксируются, и определение как логическую операцию, то есть собственно дефиницию, которая не выходит за пределы языка, то есть процедуру, раскрывающую содержание понятия, или, что то же самое, указывающую место понятия в языке.

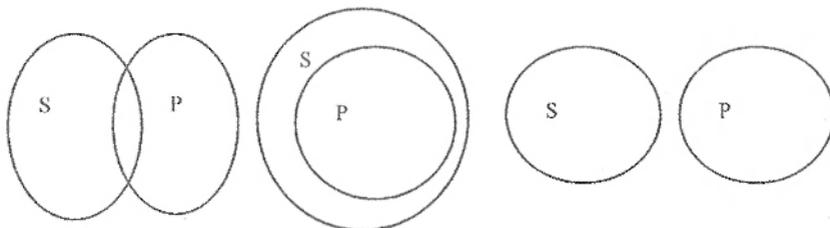
Из сказанного выше следует, что такие два понятия, как «самый большой город России» и «столица России», не тождественны. Но если мы будем рассматривать их как имена классов, то они тождественны, поскольку являются двумя именами одного общего для них класса.

3.1.2. Частноотрицательные суждения

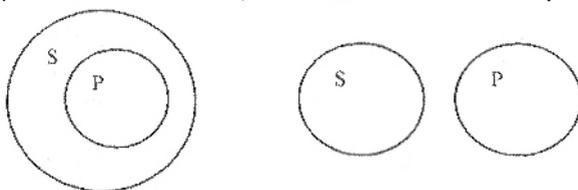
Некоторые S не суть P.

Частноотрицательное суждение допускает также два возможных прочтения:

- Некоторые элементы, входящие в класс S, не являются элементами класса P, но возможно, что все элементы класса P входят в класс S, но не исчерпывают его. Этому соответствуют следующие схемы отношений между классами:

- По крайней мере, некоторые видовые понятия из объема понятия S не обладают признаком P, то есть P не является родовым или тождественным понятием по отношению к понятию S. Однако, возможно, что S и P не находятся в родо-видовом отношении, то есть не имеют общих видов. Последнее более определенно выражается общеотрицательным суждением. Этому суждению соответствуют следующие схемы визуализации:

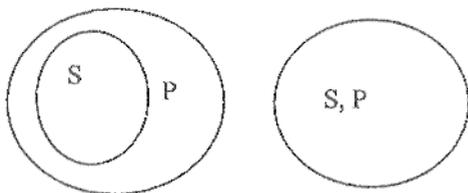
3.2. Общие суждения

3.2.1. Общеутвердительные суждения

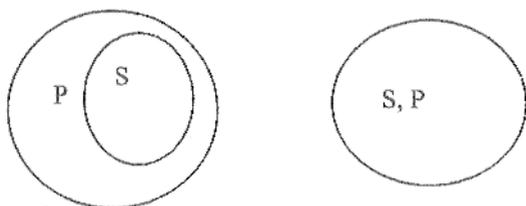
Все S суть P.

Общеутвердительное суждение допускает следующие два прочтения:

- Все элементы, входящие в класс, именуемый S, одновременно являются элементами из класса P, а возможно, и исчерпывают его. Здесь возможны следующие два варианта отношений между классами. Во втором варианте S и P – два имени одного класса.

• В содержание всех видовых понятий из объема понятия S входит признак P, то есть он является для них родовым признаком, или что P является родовым понятием по отношению к S. Но возможно, что S тождественно P.

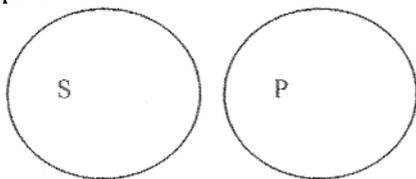

3.2.2. Общеотрицательные суждения

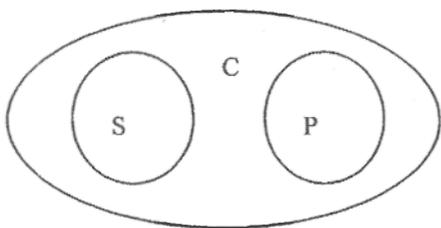
Ни одно S не есть P.

Общеотрицательное суждение также допускает два прочтения.

• Ни один элемент класса S не является элементом класса P, и наоборот.

• Понятия S и P не находятся в родо-видовом отношении, то есть не имеют общих видовых понятий. Здесь возможно два варианта: либо они несравнимы, либо они сравнимы, но несовместимы, то есть либо они не имеют общего рода, либо находятся в отношении соподчинения. Но если мы, утверждая это суждение, имеем в виду, что эти понятия сравнимы, то это означает, что для нас в контексте этого суждения существует общее для них родовое понятие C.

Что касается единичных суждений, то в них мы имеем дело с единичным термином на месте субъекта.

Здесь было бы уместным выяснить, что такое единичное и пустое понятия. отождествление понятия и класса, объема понятия и мощности класса приводит к тому, что появляются понятия с пустым объемом. Объем понятия, если его понимать как упорядоченное множество других понятий, видовых по отношению к данному, не может быть пустым. Можно было бы сказать, что ограничение понятия может продолжаться бесконечно, если бы это бесконечное ограничение имело смысл. Процесс познания бесконечен, а следовательно, и поиск видовых понятий, анализ объема понятий в этом контексте бесконечен. Но ограничение как логическая операция не может продолжаться бесконечно в силу абсурдности этого дела. Мы всегда останавливаемся на *достаточной* глубине анализа объема понятия. Кроме того, представление об объеме как количестве, *числе* видовых понятий абсурдно и идет от того же отождествления понятия и класса. Мы останавливаемся на выявлении такой системы видовых понятий, которую требует конкретная познавательная ситуация и которую в состоянии обеспечить наше знание. А невозможность выявить видовое понятие в объеме данного нам понятия свидетельствует, как правило, о недостаточности наших знаний и стимулирует исследование соответствующей предметной области, продолжение познания. Но на определенном шаге ограничения понятия мы получаем видовое понятие, которое не имеет, согласно нашему знанию мира, референта. Такое понятие можно назвать пустым, по крайней мере, до того момента, пока мы не обнаружили в мире его референт. Но, конечно, не потому, что оно лишено объема. Объем понятия никогда не пуст.

Имеется, по крайней мере, три основания для объявления некоторого понятия «пустым», то есть не имеющим референта:

- Понятие, референт которого мне неизвестен, является пустым для меня.
- Понятие, содержание которого несовместимо с моим представлением об устройстве мира, для меня также пусто.
- Пустым является и понятие, в содержании которого мыслятся несовместимые, на мой взгляд, признаки.

Но объем понятия не может быть пустым. Если понятие не имеет видов, то это означает, что мы имеем дело с именем собственным, то есть не с понятием.

Единичным можно называть понятие, если любые его виды, которые мы можем образовать, оказываются пустыми, то есть не имеют референта. В этом случае мы имеем дело с понятием, которому в реальном мире соответствует один предмет, но от этого понятия можно образовать видовые, которые оказываются пустыми, то есть не имеют референта, согласно нашему знанию о мире.

Но единичные и пустые понятия не логические термины. Является данное понятие единичным или пустым, решает не логик. Это предмет исследования специалиста в соответствующей области знания, он должен исследовать реальный мир и сказать нам, пусто это понятие или нет, единичное оно или нет, соответствует ли ему в мире какой-нибудь класс вещей, каждая из которых содержит умопостигаемый предмет, фиксируемый этим понятием. Это не логические проблемы. Это не имеет отношения к логическим операциям с понятием. Объявляя некоторое понятие единичным, мы тем самым переходим к разговору о классах, поскольку в этом случае мы заменяем понятие именем класса, класса, состоящего из одного элемента.

То есть использование единичных понятий ведет нас к рассуждениям о классах и отношениях между ними, а не о понятиях, то есть о вещах, а не об их качествах. Если же вести речь о суждении как фиксированном отношении между понятиями, то единичные суждения невозможны, поскольку они с точки зрения логики будут общими. Другими словами, если мы имеем дело с единичным суждением, то это суждение о классах, если терминами суждения являются не имена классов, а понятия, то это общее суждение.

4

Однако иногда Аристотель допускает, казалось бы, отступление от часто повторяемого им жесткого требования невозможности использования топов, в основе которых лежит утверждение двух родов, не подчиненных друг другу. Например, в следующем рассуждении он сначала привычно утверждает это правило:

«Следует также смотреть, не принадлежит ли указанное видовое отличие к другому роду, который не объемлется [родом, указанным в определении], или не объемлет его, ибо кажется правильным, что одно и то же видовое отличие не может относиться к двум родам, не объемлющим друг друга. Иначе получится, что один и тот же вид будет относиться к двум родам, не объемлющим друг друга, ведь каждое видовое отличие влечет за собой свой род, как, например, “живущее на суше” и

“двуногое” вместе влекут за собой “живое существо”. Так что каждый из родов относится к тому, к чему относится видовое отличие; поэтому ясно, что вид принадлежит к двум родам, не объемлющим один другого»⁹ Но дальше он допускает отступление от этого требования, правда, в особых случаях, при выполнении важного условия: «Или, быть может, не исключено, что одно и то же видовое отличие относится к двум родам, не объемлющим один другого, только надо присовокупить “[помимо того случая, когда] они не подчинены одному и тому же [высшему роду]”. В самом деле, живое существо, живущее на суше, и крылатое живое существо суть роды, не объемлющие один другого, но видовое отличие их обоих – двуногое, так что надо присовокупить “[помимо того случая, когда] оба рода не подчинены одному и тому же [высшему роду]”, ведь оба подчинены [роду] “живое существо”»¹⁰. Что же тогда получается? Значит, Аристотель допускает в некоторых особо оговариваемых случаях пересечение понятий. То есть пересечение возможно, если в контексте соответствующего суждения имеется общее родовое понятие. Если рассмотреть пример Аристотеля сквозь призму традиционных круговых схем, диктующих определенный схематизм толкования, то схема отношений между рассматриваемыми в примере понятиями может выглядеть таким образом:

Но что означает это аристотелевское требование наличия общего рода для двух не подчиненных друг другу родов. То есть, казалось бы, можно сформулировать правило, которое запрещает высказывать общий вид относительно двух не подчиненных друг другу понятий без конста-

⁹ Аристотель. Указ. соч. С. 475.

¹⁰ Там же. С. 475–476.

тации общего для них рода. Род и вид, как известно, в логике понятия соотносительные. В них мыслится место, которое одно понятие занимает относительно другого. Определенность понятия задается определенностью его места в отношении к другим. Вне этих отношений понятия нет. Здесь отражается одна из сторон двойственной природы понятия. Двойственная природа понятия состоит в том, что в понятии мыслится нечто определенное о мире, но лишь в силу определенности его содержания, то есть постольку, поскольку оно занимает определенное место в системе понятий нашего языка. То есть определенность места понятия в языке задает определенность его содержанию, а следовательно, и тому, что с его помощью мы обнаруживаем в мире. Аристотель там же замечает, что «ясно, однако, то, что так как одно и то же видовое отличие может относиться к двум родам, не объемлющим один другого, то видовое отличие не обязательно влечет за собой любой свой род, а влечет за собой лишь один из этих родов, а также все роды, стоящие выше его, как, например, “двуногое” влечет за собой “живое существо крылатое” или “живое существо, живущее на суше”»¹¹. Но из этого следует, что поскольку видовое понятие включает в свое содержание все признаки родовых, то в видовом понятии мы можем мыслить либо «двуногое крылатое живое существо», либо «двуногое, живущее на суше живое существо». Как в другом месте замечает сам Аристотель: «...все роды сказываются о своих видах соименно. Ибо виды принимают и имя рода, и понятие его»¹². Очевидно, что это два разных понятия, их содержание и объемы различны. В понятийной структуре нашего мышления они занимают разные места. Путь к одному можно представить как определенную процедуру ограничения: «живое существо» – «живущее на суше живое существо» – «двуногое, живущее на суше живое существо». Путь к другому можно представить как процедуру ограничения, существенно отличную от первой: «живое существо» – «крылатое живое существо» – «двуногое крылатое живое существо». Ясно, что «двуногое, живущее на суше живое существо» и «двуногое крылатое живое существо» – два разных понятия. А с помощью круговых схем их отношение можно было бы изобразить так:

¹¹ Там же. С. 476.

¹² Там же. С. 374.

У этих двух понятий один класс предметов, которые мы можем назвать именем «двуногое». Но само имя нам ничего не говорит по существу. Без подразумевания, высказываемого или нет, родовых признаков невозможно помыслить понятие в его определенности. Как только мы осознаем мыслимое через это слово «двуногое» в данном контексте понятие, то есть что мы имеем в виду, говоря «двуногое» в данном случае, мы соотносим его с его родовыми понятиями, то есть фиксируем его место в понятийной структуре нашего языка. И ясно, что у двух понятий «двуногое, живущее на суше живое существо» и «двуногое крылатое живое существо» эти места различны. Им соответствуют в этом мире два разных умопостигаемых предмета, хотя чувственновоспринимаемый предмет у них может быть и один.